

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/322750269>

Проявления коррупции в Восточной Европе

Article *in* Path of Science · January 2018

DOI: 10.22178/pos.30-5

CITATIONS

0

2 authors, including:

Viacheslav Hladky

Space Law Association

15 PUBLICATIONS 0 CITATIONS

SEE PROFILE

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

Problems of Law in Ukraine and Europe [View project](#)

Space Law (Международное космическое право) [View project](#)

Проявления коррупции в Восточной Европе

The Manifestation of Corruption in Eastern Europe

Вячеслав Гладкий¹

Viacheslav Hladky

¹ *Legnica University of Management*

4 Korfantego Street, Legnica, 59-220, Poland

DOI: 10.22178/pos.30-5

LCC Subject Category:
KKY1-4999

Received 22.12.2017
Accepted 20.01.2018
Published online
28.01.2018

Corresponding Author:
hldakyv@hotmail.com

© 2018 The Author. This
article is licensed under
a [Creative Commons
Attribution 4.0 License](#)

Аннотация. Целью данной статьи является определение основных проявлений коррупции в государствах Восточной Европы, а, прежде всего, в Украине, в которой с 2014 г. активно осуществляются множественные антикоррупционные преобразования, хотя государство парадоксальным образом с каждым годом становится всё в большей мере коррумпированным. Автор определяет основные группы проявлений коррупции и анализирует их составные элементы, в свете чего, разграничивает такие категории как «благодарность», взятка, а также коррупционная «благодарность». Особое внимание уделяется исследованию коррупционного заступничества, которое объединяет nepotism, cronyism и коррупционный лоббизм. Отмечается, что на сегодняшний день nepotism существенно вытесняется cronyismом, являющимся эффективным средством «приватизации» государства в свете кланового капитализма. Делается вывод, что взяточничество и девиантное заступничество (коррупционное покровительство), как основные проявления коррупции, свидетельствуют о том, что коррупционное поведение представляет собой жизнеутверждающие обеспечительные и защитные действия людей, к которым они прибегают, с одной стороны, из-за несостоятельности государства и общества, а, с другой стороны – для оптимизации достижения блага, которое предоставляется государством и обществом, однако, не в должной мере и ненадлежащим способом. Между тем, если несоответствие меры и способа предоставления блага государством часто являются субъективными (т. е., в среднем, мера и способ указанного представляется приемлемыми), то игнорирование государством предоставления тех или иных благ *as such* (т. е. они могут быть предоставлены лишь в коррупционной плоскости) – это явление вполне объективное. На этом основании утверждается, что политика противодействия коррупционной практике в государстве должна ориентироваться, прежде всего, на решение указанных субъективных и объективных аспектов проблемы, отказ в учёте которых будет обуславливать дальнейшую криминализацию общества, что наблюдается, в частности, в современной Украине.

Ключевые слова: взятка; девиантная привилегированность; клановый капитализм; коррупционный лоббизм; cronyism; nepotism.

Abstract. The purpose of this article is to identify the main manifestations of corruption in the states of Eastern Europe, and, first of all, in Ukraine, which since 2014 has been actively carrying out multiple anti-corruption transformations, although the state is becoming increasingly corrupt every year. The author defines the main groups of manifestations of corruption and analyzes their constituent elements, in the light of which, delineates such categories as "gratitude", bribe, and corruption "gratitude". Particular attention is paid to the study of corruption intercession, which unites nepotism, cronyism and corruption lobbying. It is noted that to date nepotism is essentially supplanted by the rabble, which is the advantage of "privatization" of the state in the light of the clan capitalism. It is concluded that bribery and deviant intercession (corruption protection), as the main manifestations of corruption, the facts that corruption behavior is life-affirming security and protective actions of people, to which they resort, on the one hand, because of the insolvency of the state and society, but, on the other hand, to optimize the achievement of the good that is provided by the state and society, however, in an improper way. Meanwhile, if the discrepancy measures and methods of granting the benefits of state benefits (i.e., on average, the measure and method is applicable), then ignoring the state provision of certain goods *as such* (i.e., they can be provided only in the corruption plane) - this phenomenon is completely objective. On this basis, it is argued that the policy of counteracting corrupt practices in the state should focus, first of all, on the solution of such problems and objective problems, the refusal to account, which will lead to further criminalization of the society, which is observed, in particular, in modern Ukraine.

Keywords: bribe; deviant privilege; clan capitalism; corruption lobbyism; cronyism; nepotism.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что оценить уровень и динамику коррупции в государстве, степень её влияния на едва измеримый социальный капитал, так же, как и на экономические показатели национальной экономики государства оказывается практически невозможным. В то же время, возможным представляется лишь исчисление приблизительных данных о коррупции в соответствующем государстве, её состоянии и влиянии, основанных на социальных опросах, измеряющих главным образом восприятие масштабов коррупции. Такие исследования, как отмечают польские учёные П. Корысь (*P. Koryś*) и Ц. Трутковски (*C. Trutkowski*), проводятся в рамках групп, отображающих общее население страны, а также в отдельных группах населения (например, среди руководителей или предпринимателей). Тем не менее, необходимо понимать, что результаты этих исследований представляют собой всего лишь наброски «карты коррупции» (*mapa korupcji*), дающие не более чем частичные и неполные знания о её реальном масштабе [1, с. 66]. Усложняет процесс исследования состояния коррупции в государстве также человеческий (обычно люди, пытаясь показаться перед другими людьми в более «выгодном свете», не всегда объективно высказывают своё отношение к коррупции и избегают признания в собственном коррупционном опыте; помимо этого, не каждое проявление коррупции человек воспринимает в качестве такового) и административный (государство часто пытается «приукрасить» показатели степени толерантного отношения общества к коррупции, пытаясь в наиболее возможной степени изобразить картину нетерпимости общества к различным проявлениям коррупции, параллельно рисуя картину более благоприятного инвестиционного климата в государстве) факторы.

Вместе с тем, учёные [2, с. 564] едины во мнении, что коррупцию не определить, как категорию, но, как правило, не составляет труда её определить (распознать) в качестве явления, объективно существующего в практической действительности. Собственно, проявление коррупции позволяет нам в наиболее точной мере определить степень коррумпированности государства, а также в достаточной мере осмыслить социально-правовую сущность коррупции и её влияния на челове-

ческий капитал, общество и экономику государства. Потому, вполне закономерно, что данному вопросу посвящается особо пристальное внимание учёных, изучающих коррупцию как в отдельных сферах жизнедеятельности человека, так и её проявления в принципе.

При этом следует учитывать тот факт, что коррупция постоянно эволюционирует. В специальных научных исследованиях [2, с. 26, 32; 4, с. 40, 44–47] исследователи обращают внимание на множественность проявлений коррупции и их сменяемость (в своих объективных проявлениях) в разные исторические эпохи, в частности, как мы уже ранее отмечали [5, с. 51–52], и в результате ответа на антикоррупционную деятельность государства. Данное даёт основание предполагать, что перечень форм коррупции постоянно находится в динамичном развитии, разделяясь на основные (классические, устойчивые) и вторичные (производные) формы коррупции.

В свете кризисных явлений и событий последних лет, происходящих в государствах Восточной Европы, целесообразно уточнить и комплексно переосмыслить проявления коррупции, наблюдаемые сегодня в соответствующих государствах, а, прежде всего – в Украине, которой удалось за последних несколько лет стать наиболее коррупционным государством в Европе и одним из наиболее коррумпированных государств в мире, стремительно опережая уже «традиционные» коррумпированные государства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя изложенные в современной теории права и экономической теории подходы к определению перечня основных проявлений (форм) коррупции, можем прийти к выводу, что в государствах Восточной Европы наиболее распространёнными являются следующие формы коррупции.

Взяточничество

По мнению О. Ковалевой (*O. Kovaleva*), Т. Бардиной (*T. Bardina*) и Д. Едгенова (*D. Edgenov*), взяточничество – это наиболее распространённое проявление коррупции [6, с. 200]. Украинская учёная проф. В. Погрибная (*V. Pogribna*) называет взятку «визиткой»

коррупции [7, с. 148]. Учитывая то, что достаточно длительное время коррупция учёными и практиками государств Восточной Европы сводилась к взяточничеству, закономерным образом данный узкий подход к пониманию коррупции был запечатлён и в антикоррупционном законодательстве соответствующих стран. В частности, в Украине, как отмечают учёные, законодательство об уголовной ответственности в течение длительного периода времени запрещало только одно, так сказать, традиционный проявление коррупции – взяточничество (получение и дача взятки) и «сопутствующие» ему уголовные правонарушения (провокация взятки, посредничество во взяточничестве) [8, с. 55].

Взяточничество – это родовое понятие, охватывающее такие самостоятельные и взаимосвязанные между собой составляющие уголовного правонарушения как: получение взятки (получение должностным лицом лично или через посредника в любом виде денег, материальных ценностей или прав имущественного характера [9, с. 241]); дача взятки (предложение, обещание или обеспечение выгоды служащему или уполномоченному должностного лица для него самого или для третьего лица за то, что он в качестве встречной услуги совершил или совершит в будущем проступок в отношении своих служебных обязанностей [10, с. 104]); посредничество во взяточничестве (преступление совершает посредник во взяточничестве, который выполняет поручение взяткодателя или взяткополучателя, действуя от их имени [11, с. 7]).

Объектом взятки являются осуществляемая в соответствии с законом деятельность публичного аппарата власти и управления, интересы государственной и муниципальной службы. Под предметом взятки следует понимать материальные ценности, а также услуги имущественного характера и имущественные права (хотя в практической действительности таковыми могут быть и иные блага, в т.ч. и неимущественного характера). В частности, взяткой как предметом взятки (правонарушения) могут признаваться: (1) передача ценных бумаг, имущества; (2) оказание услуг имущественного характера, например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой, предоставление бесплатных туристических путёвок, ремонт квартиры, передача автотранспорта для

его временного использования, прощение долга; (3) передача имущественных прав (например: передача права на квартиру, передача права требования к должнику, передача права на использование объектов интеллектуальной собственности) [12, с. 71, 74].

Следует согласиться с тем, что как правонарушение взятка – «это покупка того, что власть продавать теоретически не должна, но способна» [7, с. 149], это плата за лоббирование интересов определённых бизнес-структур («крышевание», предвзятое распределение льготных кредитов и государственных заказов, предоставление конкурентных преимуществ и т.д.) [13, с. 379], хотя, в большинстве случаев взятки даются рядовыми гражданами чиновникам низкого уровня (государственные служащие VI–VII категории) в качестве «неофициальной вознаграждения с целью получения оптимального доступа к услугам, которые должен предоставить госслужащий в пределах своих полномочий (например, «ускорение» получения необходимой справки).

При этом необходимо отметить, что взятку можно формально рассматривать в рамках таких его типичных и распространённых в государствах Восточной Европы видах:

1. Неофициальный платёж как «благодарность». В восточноевропейских государствах люди, особенно проживающие в провинциях, получив услугу, предпочитают, помимо официального платежа за неё, также оставить после себя «благодарность» за оказанную услугу (данная проблема представляет собой интересный психологический вопрос, помогающий в большей мере понять субъективную сторону поведения этих людей, тем не менее, данный вопрос мы исследуем более детально в дальнейших наших исследованиях). В наибольшей степени традиция благодарить за надлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей на постсоветском пространстве (и в ряде иных государств) распространена в отношении медицинского персонала, что объяснимо глубокими историческими корнями данной традиции. По этой причине, как утверждают А. Плотников (A. Plotnikov), Э. Багун (E. Bagun) и А. Харина (A. Harina), в настоящее время попытки дать деньги или вручить подарок медработнику никого не удивляют. «Одни благодарят медицинских работников уже по-

сле оказанных услуг, другие, надеясь на лучшее отношение и хороший уход, вручают презенты до начала лечения». При этом, учёные отмечают, что желание отблагодарить врача за излечение от болезни, не говоря уже о спасении жизни, в том числе материально, вряд ли можно признать ненормальным», особенно, если учесть тот факт, что взяточничество – это «должностное преступление, а не профессиональное» [14, с. 75–76]. Е. Епифанова (*E. Epifanova*) по данному поводу отмечает, что в обществе господствует идея, в силу которой тот факт, что медицина, относима к сфере услуг, делает допустимым выплачивать пациентом «чаевые» в качестве жеста доброй воли за добросовестное выполнение медработником трудовых обязанностей [15, с. 35].

Вместе с тем, нельзя отрицать тот факт, что разницы между «хорошими взятками» и «плохими взятками», также, как и оправдания взятки попросту не существует. Поскольку взяточничество не может быть оправдано, то, как справедливо утверждает американский учёный Г. Джеймс Мл. (*H. James Jr.*), задача в этом контексте состоит именно в том, чтобы точно определить, когда конкретный платёж будет представлять собой взятку [16, с. 200]. При этом, как мы полагаем, в тех случаях, когда человек «благодарит» доктора за оказанные медицинские услуги, а педагога за образовательные услуги, хотя в этих случаях он может не «благодарить» соответствующих лиц материальным или же нематериальным способом, и его статус не будет изменён не оказанной «благодарностью», то выражение соответствующей «благодарности», действительно, не следует понимать через призму коррупции (при условии, что данное действие «благодарящего» также не было вызвано различными злоупотреблениями его доверием, например, манипуляциями чувствами вины и благодарности).

Иначе обстоят дела, когда человек «благодарит» медицинского работника за полученный медицинский документ, а преподавателя за сданный экзамен, если без этой «благодарности» оказанные действия в отношении «не отблагодарившего» не были бы оказаны (не были бы оказаны в должной мере, например, пациент будет небрежно осмотрен, а студент получит несправедливую оценку за экзамен), независимо от того, имеет ли право

на получение таких действий сам «благодарствующий».

Вымогательство взятки в украинской юридической литературе обозначается как «здриництво», в российской – «вымогательство» (похожее по смыслу и звучанию слово употребляется в данном контексте в белорусской – «вымагальніцтва» и в польской – «wymuszanie»), в англоязычной – «extortion». Указанное однозначно демонстрирует понимание указанной модели поведения в пределах доктрины уголовного права различных стран мира, что является вполне оправданным, ведь те, кто предлагают взятки (главным образом, как коррупционную «благодарность») и даже уважают тех, кому они их дают, презируют всех, кто требует от них совершения соответствующих действий, ограничивая их импульс инстинкта свободы, имеющий своеобразное проявление в коррупционных отношениях. На это обстоятельство, в частности, уже обращала внимание проф. В. Погрибная, подчёркивая, что в свете вымогательства взяточничество становится новой формой эксплуатации населения, и вызывает активный протест рядовых граждан [7, с. 151].

2. Дарение «подарка». Подарок – это «материальный объект, вещь, которую даритель по собственному желанию и безвозмездно преподносит с целью доставить удовольствие либо пользу получателю подарка». В тех случаях, когда «предполагается какое-то встречное возмещение, вещами или действием», следовательно, нельзя говорить о подарке [17, с. 248]. Таким образом, дарение подарка и оказание благодарности не тождественны, поскольку, благодарят за что-то (за то, что было и/или будет сделано, и/или делается в настоящий момент), в то время, как подарки дарят безвозмездно. Однако, в свете коррупции дарение подарка, также, как и благодарность искажаются и теряют своё первоначальное значение, фактически сливаясь в едином смысле – как средство осуществления коррупции (единственное отличие в данном контексте «благодарности» от «подарка» в том, что «благодарность» предоставляется, как правило, в форме денежных средств или же предоставления услуги, тогда, когда «подарок» – это материальный объект, имеющий определённую ценность).

3. Неофициальный платёж как «оплата за услуги». Если неофициальный платёж в виде «благодарности», как правило, предоставляется «благодарящим» после получения услуги, то данный платёж в качестве оплаты за услугу всегда осуществляется перед предоставлением самой услуги (для того, чтобы получить её в надлежащей форме, имея право на её получение; для того, чтобы получить неправомерное преимущество) или же в процессе её осуществления (для того, чтобы «улучшить» динамику и иные качественные характеристики потребляемой услуги, имея право на неё; для того, чтобы получить неправомерное преимущество на фоне иных потребителей этой услуги, к примеру, продвижение в очереди к некоему благу и т. д.).

Вместе с тем, хотя в вопросах взяточничества внимание учёных в преобладающей мере сосредоточено на взяточнике, и именно его мотивы и поведение (прежде всего, активное или же пассивное требование платежа, услуги или «подарка») ставятся в основу критериев разграничения взятки и иных платежей, не допустимо в этом вопросе игнорировать также и волевою сторону поведения взяткодателя, мотивы и поведение которого могут платёж определять в качестве взятки.

Заступничество (девиантная привилегированность)

На основании полученной взятки либо в силу иного злоупотребления должностными полномочиями, должностное лицо-коррупционер может совершать заступничество (предоставлять противоправные привилегии), которое в широком смысле выражается в том, что коррупционер, пользуясь своим положением, искажая принцип равенства прав человека (прежде всего, в доступе к государственной службе, к публичным услугам), предоставляет преимущества для одного лица либо группы лиц, руководствуясь не публичными, а собственными интересами и выгодой.

Основными видами такого проявления коррупции, как заступничество (привилегированность) можно назвать:

1. Непотизм и кронизм. Под «непотизмом» понимают такое проявление коррупции, что выражается в злоупотреблении властными полномочиями в личных интересах, а именно

в «предпочтении генетических родственников сторонним персонам» [18, с. 13], независимо от их профессиональных достижений [19, с. 104]. Однако, следует сделать оговорку, что в отличие от многих иных общественных животных, которым свойственен непотизм, человек в обозначенном контексте не ограничивается лишь генетическими родственниками, т. е. непотизм в объективной действительности практически полностью смешан с кронизмом (хотя, как отмечают учёные, в постсоветских государствах достаточно существенное проявление имеет именно «чистый» непотизм). Этот факт, полагаем, в большей мере объясним этнопсихологической теорией: генетическое родство заменяется идеологической (схожие ценности, единое видение стратегии дальнейшего действия) общностью различных людей, представленной квазисемьёй, позволяющей представителям разных семейств (с которых «состоит» квазисемья) обеспечить безопасность (прежде всего, экономическую) и живучесть своих родов консолидированным поведением.

Квазисемья неоднородна и является иерархической организацией, в которой высшую позицию занимает лидер этого объединения (собрание лидеров – лидеры генетических семей), а низшую – ассоциированные члены квазисемьи, т. е. те, которые ещё не приняты в данную общность в той мере, что они могут принимать участие в жизни квазисемьи, но имеют достаточный уровень доверия у влиятельных членов этого объединения, способствуют утверждению его власти в обществе.

В частности, украинские учёные Л. Дорош (*L. Dorosh*) и О. Ивасечко (*O. Ivasechko*) отмечают, что кумовство и клановость возникают в тех случаях, «когда тот, кто назначает, и тот, кого назначают, находятся в социальном контакте. Кроме того, часто назначение определённого лица, которое не может занимать ту или иную должность, происходит, по той причине, что оно не будет подрывать авторитет руководителя или выражать противоположную в отношении него позицию/мысль» [20, с. 15]. В связи с этим, непотизм часто обуславливает «искусственное создание руководящих должностей и даже целых отделов для родственников». Д. Сафина утверждает, что примером искусственно созданной должности и отдела может служить: директор по стратегическому

развитию и отдел развития. Учёная справедливо замечает, что такого рода должность, по сути, избыточна, т.к. именно вопросами стратегического развития должен заниматься сам руководитель организации. «Занимая номинальные должности, фавориты могут подолгу не появляться на работе, ни за что не отвечать, перекладывать свою работу на подчинённых, при этом получать несоизмеримо высокую, по сравнению с трудовым вкладом, заработную плату» [21, с. 92].

Уровень экономического и политического влияния квазисемьи в государстве отражается на степени независимости этого государства, которое, в случае достижения квазисемьей (или достижения консенсуса между такими конкурирующими группами) критического уровня влияния, становится фактической их собственностью, что мы можем наблюдать на примере многих современных государств мира. В частности, в Украине в середине 90-х гг. XX ст. коррупционная система позволила культивировать практику nepotизма до уровня, обусловившего зарождение девиантной экономики, а именно т.н. «кланового капитализма» (также, «кумовской капитализм» или же «олигархический капитализм») в стране, который по сегодняшний день является фундаментом формирования стратегии развития этого государства. Однако, как мы уже отмечали, клановый капитализм имеет место не только в Украине, но и по всей Восточной Европы, а также в государствах Азии, Южной и Северной Америки, Африки и Океании. Иными словами, клановый капитализм – это экономическое явление, являющееся, скорее правилом, нежели исключением.

Отметим, термин «кумовской капитализм» в научных исследованиях интерпретируется в качестве капиталистической экономики, в рамках которой «успех в бизнесе зависит от личных связей бизнесменов с государственными служащими» [22, с. 28]. Таким образом, клановый капитализм, будучи преднамеренным, систематическим использованием государственной политики для выстраивания рынков способами, которые приносят пользу политически связанным субъектам, порождает «политических предпринимателей» (*political entrepreneurs*) и подавляет «рыночных предпринимателей» (*market entrepreneurs*), уничтожая и прозрачность, и конкуренцию. Потому, клановый капитализм,

по мнению многих учёных, представляется тем, что несёт собой вред для свободного предпринимательства, возможностей и развития [23, с. 3]. Однако, следует согласиться с тем, что исследованное явление и его социально-правовую сущность нельзя интерпретировать в одностороннем контексте, не учитывая условий и ситуаций, в которых оно возникает и развивается. В частности, необходимо иметь в виду, что если в случаях, когда клановый капитализм в развитых государствах является эффективным способом ограничения конкуренции на рынке, то в развивающихся – кронизм убедительно являются наиболее эффективными средством защиты бизнесом собственных имущественных прав [24, с. 173]. Таким образом, вполне закономерно, что в государстве, в котором право частной собственности не обеспечивается, отсутствует благоприятный инвестиционный климат, лица, которые смогли накопить при этих условиях капитал, будут пытаться защитить его любой ценой, в частности, постепенно устанавливая контроль над государством, в котором они находятся (примером этого может быть Украина, в которой каждые 5–10 лет меняются «владельцы» этого государства, в отличие от ряда других постсоветских государств, в которых «владельцы» соответствующих государств в течение десятилетий остаются неизменными).

В частности, в этом контексте А. Тертичный (*O. Tertichny*) и О. Бородавка (*O. Borodavka*) отмечают, что в условиях кланового капитализма, который в Украине представлен «кумовским капитализмом», на мезо- и макро-экономическом уровне экономической системы начинает действовать такая структура, как клан. Будучи главными действующими лицами сложившейся системы, они представляют собой неформальные группы людей, связанных родственными или другим признакам (региональными, по образованию и др.), которые обязательно включают бизнесменов и государственных служащих, достаточно часто сотрудников правоохранительных органов и политиков, иногда представителей организованной преступности, и, что является особенностью Украины, – воензированные формирования в виде охранных агентств и т.д. «В рамках клана неформальные внутригрупповые нормы и правила поведения играют более существенную роль,

нежели формальные законы, и несоблюдение первых наказывается гораздо серьёзнее, чем нарушение второго» [25, с. 85–86]. Изложенное описание кумовского капитализма вовсе не случайно напоминает описание функционирования преступного мира и административную деятельность профессиональных преступников в нём, ведь кланы, которые фактически владеют государством, либо вышли из преступного мира в 90-х гг. XX ст. и в 2000-х гг., либо тесно связаны с ним и по сей день.

Непотизм, как вид такого проявления коррупции в государстве как покровительство, тесно связан с рядом производных форм коррупции, главным образом: незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконная приватизация и т. д. На это обстоятельство также обращают внимание и А. Тертичный, О. Бородавка, подчёркивая, что опасной чертой «кумовского капитализма» является становление особого «клановой государства» основной функцией которого будет обеспечение благоприятных условий работы крупнейших кланов, обеспечение разграничения их интересов, создание преимуществ над всеми иными участниками политической и экономической жизни. «В этой связи речь обычно идёт о «коррупции», взятках, «откатах» и прочих нарушениях законов. Однако в Украине эти явления приобрели характер системной черты, суть которой – создание условий для получения различных ресурсов в распоряжение кланов и их членов» [25, с. 86].

2. Неправомерный (коррупционный) лоббизм. Основой всей демократической системы, как отмечает А. Пионтковская (*A. Piontkovska*), является «гарантия со стороны правового государства своим гражданам равного и свободного права на участие в принятии решений. С этой точки зрения каждый гражданин должен иметь реальную возможность участвовать в политическом процессе: от пассивного созерцания к высокой политической и экономической активности. Любое государственное решение фактически может как затронуть интересы отдельных граждан, различных слоёв населения, так и регулировать отдельные виды деятельности» [26, с. 321–322]. Если коррупция искажает эту основу демократической системы (в

корруптированных странах на всех уровнях свои позиции могут отстаивать в основном те, кто взамен способны предоставить определённое благо коррупционеру), то институт лоббизма позволяет юридически выровнять в указанной возможности всех лиц, проживающих на определённой территории.

Между тем, как это ни парадоксально, но в современных украинских реалиях, как справедливо отмечает Ю. Ломжец (*Yu. Lomzhets*), слово «лоббирование» используется «для иллюстрации любых непрозрачных политических решений, торгово-экономических соглашений во властных структурах». Следовательно, «сегодня любое продвижение интересов социальной группы или индивида в органах власти для принятия наиболее благоприятного решения воспринимается как проявление коррупции» [27, с. 43], что является вполне закономерным, ведь в Украине пока «трудно провести чёткую границу между лоббизмом и коррупцией, между давлением через убеждение и откровенным подкупом». Кроме того, на что обращает внимание проф. В. Ляшенко (*V. Lyashenko*), «теневой» лоббизм имеет много общего с коррупционными действиями и является составной частью коррупции как социального явления. «Теневой» лоббизм находится в одной плоскости с коррупцией, что обусловлено тем, что и коррупция, и лоббизм характеризуются общими чертами – «оба явления имеют непосредственное отношение к власти, поскольку предусматривают её использование в личных или групповых целях» [28, с. 29, 31].

Учитывая изложенное, приходим к выводу, что в Украине, таким же образом, как и в других государствах Восточной Европы, преобладает негативное отношение к лоббированию, что отождествляется с проявлением коррупции (именно поэтому, институт лоббирования исследуется учёными преимущественно сквозь призму теории коррупции). Безотносительное смешивание понятий «коррупция» и «лоббизм» в постсоветских государствах, полагаем, говорит о трёх фактах:

- в обществе, некоторых академических кругах и среди практиков сохраняется советский подход к пониманию лоббизма, что был оправдан в рамках политической системы того времени, через которую фактически лобби-

ровались лишь интересы партийной верхушки общества;

- в обществе, отдельных академических кругах и среди практиков сохраняется недопустимая степень невежества в отношении правомерных форм лоббизма (во многом это объяснимо тем, что на постсоветском пространстве лоббизм, как правило, связан именно с неправомомерной практикой, а те, кто могли и должны были бы осуществлять правомерную лоббистскую деятельность оказываются неспособными и недостаточно мотивированными к этой деятельности);

- в обществе, академических кругах и среди практиков существует небезосновательное опасение того, что легализация лоббистской деятельности лишь легализирует неправомомерный лоббизм, уменьшая стоимость лоббистских сделок (из-за утраты опасения раскрытия лоббизма и применения к сторонам лоббистской договорённости соответствующих санкций со стороны антикоррупционных органов власти).

При этом обратим внимание на то, что в Украине уже длительное время безуспешно предпринимались попытки легализовать лоббистскую деятельность, о чём свидетельствует то, что ещё в 1999 г. в п. 31 Государственной программы развития законодательства Украины до 2002 г. содержалась задача по разработке и принятию в 1999 г. Закона о лоббистской деятельности. В связи с этим, в украинский парламент подавались соответствующие законопроекты:

- от 13 апреля 1999 г. № 3188, инициатива: И. Ф. Шаров, проект отозвано 6 ноября 2001 г.;

- от 3 ноября 1999 г. № 3188-1, инициатива: Ю. Ф. Сахно, проект не был рассмотрен;

- от 9 октября 2005 г. № 8429, инициатива: И. О. Грынив, проект отклонён 20 декабря 2005 г.;

- от 20 сентября 2016 г. № 5144, инициатива: Т. И. Батенко, О. И. Дубинин, В. В. Дидыч, О. Л. Шевченко, В. Л. Шевченко и др., проект отозвано 3 октября 2017 г.;

- от 5 октября 2016 г. № 5144-1, инициатива: М.-М. Найем, Н. В. Веселова, И. А. Грынив, В. В. Голуб, Б. Ю. Берёза и др., проект отозвано 3 октября 2017 г.;

- от 19 января 2017 г. № 5661, инициатива: Р. Д. Богдан, В. В. Чумак, В. Д. Барвиненко,

Ю. В. Одарченко, Г. Г. Кривошея, Е. Ю. Рыбчинский и др., проект ещё прорабатывается в Комитете по вопросам правовой политики и правосудия.

У нас нет сомнений в необходимости легализации лоббистской деятельности (в т. ч. и как средства предотвращения коррупционного лоббизма), однако, правовое регулирование, а также контроль этой деятельности должны быть на столь высоком уровне, который не допустил бы возможности использования института лоббизма для оптимального осуществления коррупционной деятельности в государстве. Подобную позицию поддерживает также, множество учёных из постсоветского пространства. В частности, Ю.В. Ломжец указывает на то, что «лоббизм невозможно запретить, но его можно взять под контроль по примеру многих зарубежных стран, но для начала его необходимо сделать легальным» [27, с. 43]. По поводу изложенного мнения необходимо сделать следующую оговорку: легальным необходимо сделать не лоббизм *as such*, а исключительно правомерную лоббистскую деятельность, способствующую достижению обществом Общего блага, а не обуславливающую достижение некоторыми членами общества благ за счёт общества.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что в практической действительности лоббистские группы обладают организационными, экономическими и информационными ресурсами, которые они используют с целью прямого влияния на власть. «Они способны быстро мобилизовать своих сторонников для осуществления косвенного лоббирования собственных интересов. В то же время, достаточно часто в качестве лоббистов выступают непосредственно сами бюрократы (т.н. «внутренний лоббизм»)» [29, с. 205]. Таким образом, в этих условиях правомерный лоббизм может быстро трансформироваться в неправомомерный, стать существенной угрозой демократии. В этом контексте отметим, что на сегодняшнем этапе развития обществ постсоветского пространства, вполне очевидно, легализация лоббизма непременно станет легализацией одного из наиболее влиятельных проявлений коррупции. Дело в том, что государство, в котором общество объективно характеризуется крайней толерантностью к коррупционной деятельности, не будет способным эффективно использовать антикоррупционные методы, не допус-

кая трансформации их в очередные методы осуществления коррупции, чем и является на сегодняшний день коррупционный лоббизм.

При этом, говоря о противоправном (коррупционном) лоббизме, мы понимаем «использование уголовно и административно наказуемых методов давления на органы государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц для отстаивания незаконных интересов» [30, с. 54], с одной стороны, а, с другой – для отстаивания законных интересов, которые в соответствующее время и при соответствующих условиях искажают общественный интерес, составляя тем угрозу для Общественного блага.

ВЫВОДЫ

Коррупционированность политических режимов многих государств Восточной Европы обусловлена, прежде всего, неспособностью этих государств гарантировать и обеспечить право каждого на частную собственность и защищать такую конституционную ценность как неприкосновенность частной собственности. Главным образом, в данном контексте речь идёт о взаимоотношении государства и представителей бизнеса, увеличивающих своё влияние в государстве, главным образом, для того, чтобы обезопасить себя и сохранить своё имущество, в т.ч. и за счёт «приватизации» государства. Во-вторых, важным фактором высокой динамики распространения коррупции в государствах Восточной Европы можно считать недостойное существование человека (лицо, лишённое возможности достойно существовать, утрачивает не только должное понимание целесообразности следования моральным эталонам общества, но и понимание ценности общества и необходимости в государстве, в силу чего данное лицо действительно высказывает своё доверие лишь тем властям, имущим, кото-

рые в действительности могут предоставить ему необходимые блага, пусть и за дополнительную плату). Данные два фактора обусловили тотальное распространение в исследуемом регионе Европы двух форм коррупции: взяточничество и девиантное заступничество.

Само по себе взяточничество и девиантное заступничество как основные проявления коррупции свидетельствуют о том, что коррупционное поведение представляет собой жизнеутверждающие обеспечительные и защитные действия людей, к которым они прибегают, с одной стороны, из-за несостоятельности государства и общества, а, с другой стороны – для оптимизации достижения блага, которое предоставляется государством и обществом, однако, не в должной мере и ненадлежащим способом. При этом, если несоответствие меры и способа предоставления блага часто являются субъективными (т.е., в среднем, мера и способ указанного представляется приемлемыми), то игнорирование государством предоставления тех или иных благ *as such* (которые могут быть предоставлены лишь в коррупционной плоскости) – явление вполне объективное. Стало быть, политика противодействия коррупционной практике в государстве должна ориентироваться прежде всего на решение указанных субъективных и объективных аспектов проблемы, отказ в учёте которых будет обуславливать те же последствия антикоррупционных преобразований, что наблюдаются в современной Украине, ставшей современным лицом коррупции.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность всем учёным и исследователям, труды которых стали «отправной точкой» для написания данной статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Koryś, P. & Trutkowski, C. (2014). *Nie jest tak dobrze czy nie jest tak źle? Zmiany poziomu percepcji korupcji w Polsce w świetle badań społecznych* [Is it Not Too Bad Or Not Too Good? Changes in the Perception of the Prevalence of Corruption in Poland in the Light of Social Studies]. *Zarządzanie Publiczne*, 2(28), 63–83.
2. Tanzi, V. (1998). Corruption Around the World: Causes, Consequences, Scope, and Cures. *Staff Papers - International Monetary Fund*, 45(4), 559.

3. Verhun, S. (2017). *Koruptsiia u diialnosti transportnoi zhandarmerii zaliznyts Ukrainy (druha polovyna XIX – pochatok XX st.)* [Corruption in the transport gendarmerie of railways of Ukraine (second half of XIX – early XX centuries)]. *Problemi istorii Ukraïni XIX – pochatku XX st.*, 26, 26–33 (in Ukrainian)
[Вергун, С. (2017). Корупція у діяльності транспортної жандармерії залізниць України (друга половина XIX – початок XX ст.). *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.*, 26, 26–33].
4. Cifaldi, D. & Yugai, T. A. (2015). *Korrupciya skvoz' veka: ot Rimskoj i Rossijskoj imperij do nashih dnei* [Corruption Through Centuries: From The Roman and Russian Empires to the Current Time]. *National Interests: Priorities and Security*, 22(307), 39–52 (in Russian)
[Чифальди, Дж. & Югай, Т. А. (2015). Коррупция сквозь века: от Римской и Российской империй до наших дней. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 22(307), 39–52].
5. Hladky, V. V. (2017). *Dolgosrochnye perspektivy preobrazovanij v Ukraine v svete antikorrupcionnoj politiki* [Long-term Prospects of reforms in Ukraine in the Light of Anti-Corruption Policy]. *Law Sciences: Problems and Prospects* (pp. 50–53) (in Russian)
[Гладкий, В. В. (2017). Долгосрочные перспективы преобразований в Украине в свете антикоррупционной политики. *Юридичні науки: проблеми та перспективи* (с. 50–53)].
6. Kovaleva, O. A., Bardina, T. A. & Edgenov, D. A. (2017). *Pravovye osnovy povysheniya urovnya antikorrupcionnogo pravosoznaniya: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva Rossii i Kitaya* [The Legal Basis of Increase of Level of Anti-Corruption of Justice: A Comparative Analysis of the Legislation of Russia and China]. *Innovative Scientific Research: Theory, Methodology, Practice* (pp. 199–204). Penza: Science and Education (in Russian)
[Ковалева, О. А., Бардина, Т. А. & Едгенов, Д. А. (2017). Правовые основы повышения уровня антикоррупционного правосознания: сравнительный анализ законодательства России и Китая. *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика* (с. 199–204). Пенза: Наука и Просвещение].
7. Pogribna, V. L. (2015). *Sotsialne khabarnytstvo – zlochyn chy obiektyvna realnist buttia?* [Social Bribery Crime or Objective Reality of Life?]. *Bulletin of NLU "Law Academy named Yaroslav the Wise"*, 3(26), 148–155 (in Ukrainian)
[Погрібна, В. Л. (2015). Соціальне хабарництво – злочин чи об'єктивна реальність буття? *Вісник Національного університету «Юридична академія України ім. Ярослава Мудрого»*, 3(26), 148–155].
8. Danilchenko, Y. B. (2015). *Kryminalno-pravovyi vymir protydii koruptsii: dotsilnist, efektyvnist, doskonalist* [Criminal Law Admeasurement of Anti-Corruption: Feasibility, Effectiveness, Excellence]. *Law and Innovative Society*, 1, 54–58 (in Ukrainian)
[Данильченко, Ю. Б. (2015). Кримінально-правовий вимір протидії корупції: доцільність, ефективність, досконалість. *Право та інноваційне суспільство*, 1, 54–58].
9. Svetlov, A. Ya. (1978). *Otvettstvennost' za dolzhnostnye prestupleniya* [Responsibility for Malfeasance]. Kyiv: Naukova dumka (in Russian)
[Светлов, А. Я. (1978). *Ответственность за должностные преступления*. Киев: Наук. думка].
10. Muravev, Yu. A. (2012). *Ponyatie korruptcii v ugovnom zakonodatel'stve FRG* [Concept of Corruption of the Criminal Legislation of Germany]. *Moscow State Linguistic University Bulletin*, 23(656), 98–106 (in Russian)
[Муравьев, Ю. А. (2012). Понятие коррупции в уголовном законодательстве ФРГ. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 23(656), 98–106].
11. Vasetsov, A. (1986). *Souchastie i posrednichestvo vo vzyatochnichestve* [Complicity and Mediation in Bribery]. *Soviet Justice*, 1, 13–14 (in Russian)
[Васецов, А. (1986). Соучастие и посредничество во взяточничестве. *Советская юстиция*, 1, 13–14].

12. Ugolkova, E. I. (2015). [Vzyatka ili moshennichestvo: problema kvalifikatsii](#) [Bribe or Fraud: Qualification Problem]. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*, 3(38), 70–75 (in Russian)
[Уголькова, Е. И. (2015). Взятка или мошенничество: проблема квалификации. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*, 3(38), 70–75].
13. Bachinska, I. S. (2012). [Determinanty koruptsii v Ukraini, abo chomu derzhavni sluzhbovtsi zalucheni do koruptsiinoho protsesu](#) [Determinants of Corruption in Ukraine, or Why Civil Servants Are Involved in the Corruption Process]. *Efektivnist derzhavnoho upravlinnia*, 32, 377–382 (in Ukrainian)
[Бачинська, І. С. (2012). Детермінанти корупції в Україні, або чому державні службовці залучені до корупційного процесу. *Ефективність державного управління*, 32, 377–382].
14. Plotnikov, A. I., Bagun, E. A. & Harina, A. V. (2015). [Poluchenie medicinskim rabotnikom nezakonnoho voznagrashdeniya trebuets samostoyatel'noj ugovno-pravovoy ocenki](#) [Receipt of Illegal Remuneration by Medical Profession Has to Be Determined as a Separate Offense]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 26, 75–82 (in Russian)
[Плотников, А. И., Багун, Э. А. & Харина А. В. (2015). Получение медицинским работником незаконного вознаграждения требует самостоятельной уголовно-правовой оценки. *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*, 26, 75–82].
15. Epifanova, E. V. (2012). [Podarok, chaevye ili vzyatka](#) [A Gift, a Tip or a Bribe?]. *Medical Law*, 5, 28–36 (in Russian)
[Епифанова, Е. В. (2012). Подарок, чаевые или взятка? *Медицинское право*, 5, 28–36].
16. James, H. S. (2002). When is a Bribe a Bribe? Teaching a Workable Definition of Bribery. *Teaching Business Ethics*, 6(2), 199–217. doi: [10.1023/A:1015261222138](#)
17. Bikeev, I. I. (2013). [Problemy otgranicheniya vzyatki ot podarka v Rossii i za rubezhom: praktika i tendencii](#) [Problems of Distinguishing a Bribe from a Present in Russia and Abroad: Practice and Trends]. *Actual Problems of Economics and Law*, 1(25), 245–249 (in Russian)
[Бикеев, И.И. (2013). Проблемы отграничения взятки от подарка в России и за рубежом: практика и тенденции. *Актуальные проблемы экономики и права*, 1(25), 245–249].
18. Siegert, A. (2008). [Transmigraciya vysokokvalificirovannogo personala – vyzov dlya kadrovogo menedzhmenta](#) [Transmigration of High-qualified Personnel – Challenge for Staff Management]. *Forsyth*, 4(8), 10–21 (in Russian)
[Зигерт, А. (2008). Трансмиграция высококвалифицированного персонала – вызов для кадрового менеджмента. *Форсайт*, 4(8), 10–21].
19. Didenko, I. (2017). [Nepotyzm, favorytyzm ta kronizm yak prychyny vynyknennia konfliktu interesiv](#) [Nepotism, Favoritism and Cronyism as the Causes of a Conflict of Interest]. *Pidpriemnytstvo, hospodarstvo i pravo*, 8, 103–106 (in Ukrainian)
[Діденко І. (2017). Непотизм, фаворитизм та кронізм як причини виникнення конфлікту інтересів. *Підприємництво, господарство і право*, 8, 103–106].
20. Dorosh, L. & Ivasechko, O. (2015). [Nepotyzm yak polityko-pravova problema ukrainskoho derzhavotvorennia](#) [Nepotism as Political and Legal Problem of Ukraine's Statebuilding]. *Humanitarian Vision*, 1(1), 13–19 (in Ukrainian)
[Дорош, Л. & Івасечко, О. (2015). Непотизм як політико-правова проблема українського державотворення. *Humanitarian Vision*, 1(1), 13–19].
21. Safina, D. (2013). [Vliyanie favoritizma i nepotizma na organizacionnoe i ehkonomicheskoe razvitie](#) [Influence of Favoritism and Nepotism on Organizational and Economic Development]. *Discussion*, 10(40), 89–94 (in Russian)
[Сафина, Д. (2013). Влияние фаворитизма и непотизма на организационное и экономическое развитие. *Дискуссия*, 10(40), 89–94].

22. Miriasov, Iu. (2016). **Klanovy kapitalizm: typolohiia vidnoshen mizh derzhavoiu ta biznesom** [Crony Capitalism: Business – State Relationship Typology]. *Naukovyi visnyk Uzhhorodskoho natsionalnoho universytetu. Series: International Economic Relations and World Economy*, 2(8), 28–33 (in Ukrainian)
[Мірясов, Ю. (2016). Клановий капіталізм: типологія відношень між державою та бізнесом. *Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Міжнародні економічні відносини та світове господарство*, 2(8), 28–33].
23. Khatri, N. & Ojha, A. (Eds.). (2016). *Crony Capitalism in India: Establishing Robust Counteractive Institutional Frameworks*. London: Palgrave Macmillan. doi: [10.1007/978-1-137-58287-4](https://doi.org/10.1007/978-1-137-58287-4)
24. Aligica, P., & Tarko, V. (2014). Crony Capitalism: Rent Seeking, Institutions and Ideology. *Kyklos*, 67(2), 156–176. doi: [10.1111/kykl.12048](https://doi.org/10.1111/kykl.12048)
25. Tertichny, O. O. & Borodavka, O. A. (2015). Kumivskyi kapitalizm yak yavyshe suchasnoi ekonomiky Ukrainy [Crony Capitalism as a Phenomenon Modern Economy of Ukraine]. *The Bulletin of Transport and Industry Economics*, 51, 84–88. doi: [10.18664/338.47:338.45.v0i51.57473](https://doi.org/10.18664/338.47:338.45.v0i51.57473) (in Ukrainian)
[Тертичний, О. & Бородавка, О. (2015). Кумівський капіталізм як явище сучасної економіки України. *Вісник економіки транспорту і промисловості*, 51, 84–88. doi: [10.18664/338.47:338.45.v0i51.57473](https://doi.org/10.18664/338.47:338.45.v0i51.57473)].
26. Piontkovska, A. (2014). **Lobizm: ukraïnski realii ta perspektyvy** [Lobbying: Ukrainian Realities and Perspective]. *Naukovi rozvidky z derzhavnoho ta munitsypalnoho upravlinnia*, 2, 319–322 (in Ukrainian)
[Піонтковська, А. (2014). Лобізм: українські реалії та перспективи. *Наукові розвідки з державного та муніципального управління*, 2, 319–322].
27. Lomzhets, Yu. (2016). **Pravove rehuliuвання lobizmu: dosvid Polshchi** [Legal Regulation of Lobbying: The Experience of Poland]. *Humanitarnyi visnyk NUK*, 9, 43–46 (in Ukrainian)
[Ломжець, Ю. (2016). Правове регулювання лобізму: досвід Польщі. *Гуманітарний вісник НУК*, 9, 43–46].
28. Liashenko, V. (2008). **Biznes-asotsiatsii v systemi instytutsionalnoho zabezpechennia lobiiuvannia interesiv pidpriemnytstva v Ukraini** [Business Associations in the System of Institutional Provision of Lobbying for the Interests of Entrepreneurship in Ukraine]. *Prometheus*, 2(26), 28–39. (in Ukrainian)
[Ляшенко, В. (2008). Бізнес-асоціації в системі інституціонального забезпечення лобіювання інтересів підприємництва в Україні. *Прометей*, 2(26), 28–39].
29. Bedrak, N. (2015). **Libistska diialnist yak skladova protsesu politychnoho predstavnytstva** [Lobbying as a Component of Political Representatives]. *Young Scientist*, 10(25), 204–207 (in Ukrainian)
[Бедрак, Н. (2015). Лобістська діяльність як складова процесу політичного представництва. *Молодий вчений*, 10(25), 204–207].
30. Kolosova, N. (2014). Lobizm i korrupciya [Lobbyism and Corruption]. *Journal of Russian Law*, 2(206), 53–59. doi: [10.12737/2238](https://doi.org/10.12737/2238) (in Russian)
[Колосова, Н. (2014). Лоббизм и коррупция. *Журнал российского права*, 2(206), 53–59. doi: [10.12737/2238](https://doi.org/10.12737/2238)].